

Н.А. ЕВСИНА

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Пермь, Россия)

УДК 821.161.1.09 (Ауслендер С.А.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ПУШКИНСКИЕ АЛЛЮЗИИ В РОМАНЕ С.А. АУСЛЕНДЕРА «ПУГАЧЕВЩИНА»

Аннотация: Статья посвящена роману С.А. Ауслендера «Пугачевщина». Рассматриваются связи данного произведения с «Капитанской дочкой» А.С. Пушкина. Подчеркивается, что восходящие к пушкинской повести темы, проблемы, образы переосмысливаются в «Пугачевщине» в соответствии с формирующимся в советской литературе 1920-х гг. соцреалистическим канон.

Ключевые слова: С.А. Ауслендер, А.С. Пушкин, «Пугачевщина», «Капитанская дочка», исторический роман, литературные проекции, соцреалистический канон.

С советским периодом творчества С.А. Ауслендера широкий круг читателей (да и исследователей) почти не знаком. В 1920-е гг., работая зав. литературной частью МТЮЗа, он писал по преимуществу о детях и для детей. Его «взрослый» роман «Пугачевщина», написанный в 1927 и увидевший свет в 1928 г., сегодня неоправданно забыт¹. В современных работах, посвященных прозе 1920-х гг., он лишь называется в ряду исторических романов первых послереволюционных десятилетий².

На наш взгляд, «Пугачевщина» заслуживает специального изучения. В данной статье исследуется пушкинский пласт романа. Цель наших наблюдений – обнаружить переклички рассматриваемого произведения с повестью А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и показать их концептуальное значение. Авторский выбор пушкинской повести в качестве некоего «претекста» «Пугачевщины» не случаен. «Капитанская дочка» – самое известное классическое произведение о Пугачевском восстании (1773–1775). В 1900-е гг. Ауслендер, учась на словесном отделении историко-филологического факультета Петербургского университета, посещал знаменитый Пушкинский семинар под руково-

¹ «Пугачевщина» даже не упоминается в таких авторитетных справочных изданиях, как «Краткая литературная энциклопедия» (т. 1, 1978), биографический словарь «Русские писатели. 1800–1917» (т. 1, 1989), содержащих словарные статьи, посвященные Ауслендеру.

² См.: Николаев Д.Д. Русская проза 1920–1930-х гг.: авантюрная, фантастическая и историческая проза. С. 578.

дством С.А. Венгерова. Интерес к Пушкину, возникший в студенческие годы, писатель пронес через всю творческую жизнь, о чем свидетельствуют многочисленные пушкинские аллюзии в его последнем романе. Рассмотрим их.

Сюжет и «Капитанской дочки», и «Пугачевщины» образуют перипетию отношений двух главных героев, один из которых – Пугачев, другой – молодой дворянин, офицер Петр Андреевич Гринев (у Пушкина), крестьянский подросток Андрейка (у Ауслендера). В жизни вымышленных героев обоих произведений встреча с Пугачевым оказывается судьбоносной. И в «Капитанской дочке», и в «Пугачевщине» она служит завязкой действия. И Петр Андреевич, и Андрейка встречаются Пугачева случайно и не знают, с кем именно сводит их судьба. При этом оба ведут себя по отношению к нему благородно. Гринев жалуется вожатому стакан водки и заячий тулупчик; Андрейка отдает каторжнику продукты, привезенные дядей Максимом в город для продажи. Благородные порывы обоих героев не находят поддержки у окружающих. Дядька Савельич упрекает Пугачева: «Ты видишь, что дитя еще не смыслит, а ты и рад его *обобрать*, простоты его ради»³. Дядя Максим, наступая с кулаками на «разбойников», кричит: «Мальчишку *обобрать* задумали»⁴.

Текстуальные переключки можно заметить и в портретных характеристиках Пугачева. У Пушкина: «Он был лет сорока, *росту среднего, худощав и широкоплеч*. В черной бороде его показывалась *просесть*; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары» [с. 243]. У Ауслендера он «*среднего роста, плечистый*, с беловатым румяным лицом, заросшим темной с *просестью* бородой»: «Был он лицом *сухощав*, смугл, волосы темно-русые, обстрижены в кружок – по-казацки. <...> Глаза черные, чуть раскосые, оглядывали все зорко, будто ощупывали» [с. 7].

Во время своей первой встречи с Пугачевым герои становятся свидетелями его неординарных поступков. В «Капитанской дочке» Пугачев находит дорогу в занесенной снегом степи; в «Пугачевщине» он, каторжник, среди бела дня на глазах десятков людей совершает побег из-под стражи. Указанные эпизоды объединяет мотив дороги

³ Пушкин А.С. Соч.: В 3 т. Т. 3. Проза. – М., 1987. С. 244. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страницы в квадратных скобках после цитаты.

⁴ Ауслендер С.А. Пугачевщина. – М.: Молодая гвардия, 1928. С. 8. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страницы в квадратных скобках после цитаты.

(поиска пути, начала пути, обретения своего пути), являющийся смыслообразующим в обоих произведениях.

Примечательно, что после встречи с незнакомцем и Петру Андреевичу, и Андрейке снятся похожие сны. Пушкинский герой видит себя в родном доме у постели умирающего отца. Мать просит отца благословить сына, но Гринев замечает, что вместо родителя на постели лежит незнакомый ему «мужик с черной бородой», весело на него поглядывающий [с. 242]. Андрейка, засыпая, видит склонившееся над ним лицо: «Жесткая борода щекотала щеки, пахнуло запахом знакомым, мужицким». Мальчику кажется далее, «будто едут они на лодке с мужиком незнакомым» [с. 100]. Взору обоих героев является один и тот же образ. Оба сна навеяны происшедшими наяву встречами с Пугачевым. В обоих случаях ирреальное служит зеркальным отражением реального. И в «Капитанской дочке», и в «Пугачевщине» сны героев предвосхищают события с участием «царя-государя мужицкого». Сновидения и Петра Андреевича, и Андрейки – «пророческие»; являясь важнейшим структурным элементом произведений, они содержат «ключи» к их содержанию.

В очередной раз герои встречаются с Пугачевым – предводителем народного восстания. В обоих произведениях значимым является момент его узнавания: и Петр Андреевич, и Андрейка узнают в нем незнакомца, с которым виделись ранее. В обоих произведениях эти встречи происходят в переломные моменты жизни героев: во время падения Белогорской крепости, освобождения Маши Мироновой из рук Швабрина («Капитанская дочка»), во время захвата повстанцами имения помещицы Василисы Сладковой, освобождения Груни, сестры Андрейки, из подвала Афанасия («Пугачевщина»). Эти встречи совпадают с кульминационными событиями обоих произведений.

И Петр Андреевич, и Андрейка спасают пленниц с помощью Пугачева. Обе девушки доведены до отчаяния. Обе, несмотря на свою беззащитность, обладают сильным характером. Они отказываются терпеть унижения и готовы свести счеты с жизнью: Маше лучше умереть, чем стать женой Швабрина: «Я лучше *решилась умереть*, и умру, если меня не избавят» [с. 304]; Груня признается: «В самый час хоть *руки на себя наложит*, все равно не видеть мне больше солнца красного, не быть свободной и радостной, заклюет нас злой коршун» [с. 107].

Их мучители Швабрин и Афанасий также имеют некоторые общие черты. Оба скрывают от окружающих свое подлинное лицо. Швабрин кажется порядочным молодым человеком, и Гриневу требуется время для того, чтобы разглядеть за остроумием и веселостью его

«адскую» усмешку [с. 253]. Афанасий прячет свое истинное лицо за «улыбкой сладостной», «прижимая пухлые руки к сердцу и накатывая глаза к потолку», стремясь произвести впечатление человека «добродушнейшего, не способного мухи обидеть» [с. 14]. Сходно ведут себя Швабрин и Афанасий, оказавшись в руках Пугачева: «Швабрин упал на колени». Афанасий перед Чикой «упал на колени и пополз на карачках». Одинаково реагируют на их поступки Петр Андреевич и Андрейка. Пушкинский герой замечает: «В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака» [с. 304]. Андрейке «противны и жалки» были «корчившиеся под ногами злые враги его» [с. 114].

Исследуя сюжетные переключки между «Капитанской дочкой» и «Пугачевщиной», нельзя обойти вниманием «Пропущенную главу» пушкинской повести, не вошедшую в окончательный вариант произведения. В романе Ауслендера к ней также имеются прямые отсылки. В частности «Пропущенная глава» содержит рассказ о том, как, приехав в родную деревню, Гринев узнает, что его родители вместе с Машей заточены бунтовщиками в хлебном амбаре. Пытаясь освободить их, он сам попадает в заключение. Крестьяне поджигают амбар, пленников спасает вовремя подоспевший отряд Зурина. В «Пугачевщине» Андрейка, стремясь помочь находящимся в заточении односельчанам, в том числе и Груне, оказывается пойманным, вместе с остальными заключенными он ждет казни. Из зловещего черного амбара в последнюю минуту их освобождает отряд Чики-Зарубина.

Отмеченные переключки свидетельствуют о том, что «Пугачевщина» создавалась с прямой «оглядкой» на пушкинскую повесть. Ауслендер использует сюжетную схему «Капитанской дочки»: вслед за Пушкиным он делает завязкой действия встречу молодого героя с «царем мужицким». В «Пугачевщине», как и в пушкинской повести, действие кульминирует в эпизодах непосредственного участия вождя народного восстания в личной судьбе вымышленных героев: он возвращает «долг» за некогда проявленную ими сердечность. Развязка совпадает с его трагической гибелью.

Однако ориентация на опыт предшественника не исключает и расхождений с ним. Рассмотрим восходящие к «Капитанской дочке» мотивы, которые в «Пугачевщине» получили новую – весьма показательную для литературы 1920-х гг. – аранжировку. Один из них связан с образом отца, который в художественной системе обоих произведений занимает центральное положение.

Как не раз подчеркивалось исследователями, тема отцовства вынесена в название пушкинской повести, продолжена эпиграфом – фрагментом из комедии Я.Б. Княжнина, который заканчивается принципиальным для всего произведения вопросом: «Да кто его отец?» [с. 232]. На роль «отца» Гринева претендует Пугачев, однако герой отказывается принять его в этом качестве. Он следует завету родного отца беречь «платье снову, а честь смолоду». Крепкая связь с отцом дает герою силы не потерять человеческое достоинство, сделать правильный выбор, выстоять в трудных жизненных обстоятельствах.

Для юного героя «Пугачевщины» отец – лицо, не менее значимое, чем для Гринева. Но он выстраивает свои отношения с ним иначе, чем пушкинский герой. Для выяснения характера этих отношений необходимо сравнить рассматриваемый роман с предшествовавшим ему во времени рассказом для детей «Пугаченок» (1926). Рассказ представляет собой «конспект» романной линии героя, не совпадая с ней в главном – в изображении отца Андрейки.

В рассказе Андрейка – сирота. Его отца «вынесли из конюшни, из-под плетей окровавленного и неподвижного»⁵. Встреча Андрейки с Пугачевым происходит в доме станичника, к которому его отправили «разыскивать справедливого царя». Пугачев «чуть не задавил» спящего мальчика, почувствовавшего, как от склонившегося над ним человека «пахнуло запахом знакомым, мужицким, отцовским» [с. 4]. Подобные ощущения Андрейка будет испытывать при каждой встрече с Пугачевым. Например, во время «суда» над супостатами Пугачев положил на плечо мальчика свою тяжелую руку, и «опять тот же родной мужичий запах Андрейка почувял» [с. 16]. Для юного героя Пугачев не только «царь-государь мужицкий», он – отец, заступник. Мальчик живет мыслями о замученном на конюшне «тятке» и обретает его в Пугачеве, который в финале отдает своим людям распоряжение «прихватить» парнишку с собой («он нам пригодится»). «Ну, скачем с нами, пугаченок, – сказал чей-то насмешливый и ласковый голос» [с. 20].

В романе Андрейка своего родного отца никогда не видел, ему не известно также, жив ли он. Он знает лишь то, что его родитель был сослан на каторгу. Как и в рассказе, Андрейка постоянно думает о нем. Не случайно Пугачев впервые является герою таким же, как и его родной отец, каторжником. Поступок, которым Андрейка обратил на себя внимание Пугачева, когда на базарной площади начал бросать ему, заключенному в кандалы, продукты, прямо связан с родным отцом:

⁵ Ауслендер С.А. Пугаченок. – М., 1926. С. 6. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страницы в квадратных скобках после цитаты.

мальчик с сочувствием отнесся к арестанту, зная о том, что где-то его родитель также мучается от голода.

В отличие от рассказа интрига романа заключается в том, что отец Андрейки Степан оказывается живым и здоровым, он возвращается в родные места с войском Пугачева и становится участником заговора, целью которого являлось убийство «царя-самозванца». Андрейка одновременно узнает о том, кто его отец и что он задумал: «Выдавать или не выдавать? – шевелилось у него в голове, – отца ведь выдам родного, если скажу государю про заговорщиков. А не выдать, тогда конец вольности народной» [с. 169]. Юный герой принимает решение выдать отца, полагая, что так «нужно».

В рассказе Андрейка, становясь «пугаченком», от родного отца не отрекается; в лице Пугачева он получает «отца» взамен замученного родителя. В романе юный герой, предавая родного отца, отправляя его на виселицу, присягает на верность отцу «всеобщему». Мысль о «вольности народной» заглушает в нем голос «родной крови».

Возвращаясь к сопоставлению «Пугачевщины» с «Капитанской дочкой», еще раз обратимся к снам главных героев. Петр Андреевич, видя незнакомого мужика, наотрез отказывается просить у него благословения: «Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» [с. 242]. Андрейка принимает незнакомого мужика за родного отца: «Не знает его совсем Андрейка, будто и не видел никогда, а верится почему-то, что это отец» [с. 100].

Сон не только предвосхищает измену юного героя Ауслендера, но и содержит одно из объяснений его поступка. Андрейка предал родителя в результате происшедшей в его сознании подмены родного отца отцом «всеобщим». Пугачев – самозванец не только потому, что стремился занять российский трон. Он самозванец и по отношению к мальчику. Он, вытеснив в его сердце привязанность к родителю, занял его место.

С темой отца в обоих произведениях неразрывно связана проблема гуманизма. Юный герой Ауслендера, ожесточившись, не знает пощады ни к отцу родному, ни к врагам. В рассказе Андрейка на вопрос Пугачева, можно ли помиловать господ-злодеев, отвечает: «Нельзя миловать» [с. 17]. Однако расправа над врагами тяготит его: «Идти туда, куда с криками и посвистом толпа волокла осужденных, ему не хотелось» [с. 18]. В романе он не только отказывает в пощаде господам, что некогда глумились над ним и его близкими, но с искаженным злой усмешкой лицом настаивает на том, чтобы ненавистную ему барыню Василису Сладкову перед казнью выпороли на конюшне: «Пусть попомнит она государя. Высечь ее сперва надобно» [с. 235].

Подобного рода «откровения» в устах ребенка звучат устрашающе. Не случайно в ответ на требование мальчика не только убить обидчицу, но и заставить ее пережить те же унижения, которым она и ее подручные подвергали находящихся в их власти людей, один из пугачевцев невольно пробормотал: «Не хотел бы я тебя, Андрейка, обидеть, <...> не из таковских ты, что обиду свою глотают» [с. 236]. Юный герой Ауслендера, говоря словами Ю.М. Лотмана, «без остатка умещается в игре социальныи сил своего времени»⁶.

Как отмечалось ранее, в рассказе Андрейка покидает родные места вместе с войском Пугачева. В романе он после гибели Пугачева становится «безотцовщиной»: оба его «родителя» казнены. Не трудно заметить, что в сравнении с рассказом романная линия юного героя выглядит более трагичной, что усиление трагизма происходит за счет проблематики, связывавшей «Пугачевщину» с пушкинской повестью. Подключив свой роман к главной теме «Капитанской дочки» – к теме отца, подлинного и мнимого, Ауслендер-романист переосмыслил ее, предложил свой ответ на прозвучавший в эпиграфе к пушкинской повести вопрос: «Да кто его отец?».

Транскрипция тем, проблем, образов, восходящих к произведению Пушкина происходила в «Пугачевщине» в соответствии с формирующимся в советской литературе 1920-х гг. соцреалистическим канон. Сопоставление «Пугачевщины» с «Капитанской дочкой», с одной стороны, и с ключевыми советскими мифами – с другой, весьма показательно для понимания того, как протекала авторская «смена вех», как советская историческая мифология вторгалась в литературу, подчиняя ее себе.

Как известно, соцреалистический канон – это система базовых представлений советской культуры, среди которых особое место занимал миф об отце, о «великой семье». По словам Е. Добренко, в соцреализме «отец у мира взрослых и детей – один: власть и вождь. Вождь как духовный отец куда значительнее собственного отца»⁷. К. Кларк, исследуя советскую мифологию, подчеркивала, что «большая семья» строилась по образцу «малой», члены которой соединены кровными узами. В этой новой «большой семье» предпочтение должно было отдаваться государству⁸. По наблюдениям исследователей, если тради-

⁶ Лотман Ю.М. Идеиная структура «Капитанской дочки» // Лотман Ю.М. Пушкин. Статьи и заметки. – М., 2008. С. 35.

⁷ Добренко Е. Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон. – СПб., 2000. С. 39.

⁸ Кларк К. Сталинский миф о «великой семье» // Соцреалистический канон. – СПб., 2000. С. 785.

ционные культуры способствуют социализации ребенка, то культура тоталитарная – напротив «развязывает иррациональные влечения». Она культивирует «агрессивность, зависть, месть, ненависть, почти всегда характерные для детских коллективов»⁹, развивает «асоциальную детскость»¹⁰. В процессе воспитания герой растворяет свою индивидуальность в сознательном служении внеличным целям, попадая в досоциальное пространство опасности и борьбы с врагом, пространство подвига и агрессии. В тоталитарной культуре цена жизни отдельно-го человека сведена к минимуму, смерти здесь вообще нет места, «ибо бессмертно дело, в котором растворен человек, бессмертна та внеличная ценность, которой человек служит»¹¹.

Не трудно заметить, что живущий в XVIII веке Андрейка, выбирая между родным отцом и отцом «всеобщим», поступает так, как должен был вести себя, согласно формирующемуся советскому нравственному кодексу, юный сталинец в «год великого перелома». В Андрейке, демонстрирующем свою готовность убивать, можно увидеть и отмеченное исследователями советской культуры нарастание озлобленности, беспощадности. В «Пугачевщине» стихия народного восстания полностью поглощает маленького героя. Он растворяется в ней, превращаясь в финале в такого же бродягу, каким был до того, как объявил себя претендентом на царский трон, обретенный и навсегда потерянный им «отец».

Итак, предпринятые наблюдения позволяют считать «Капитанскую дочку» одним из источников тем, проблем, образов «Пугачевщины». Пугачевщина увидена Ауслендером сквозь призму современности; Пугачевское восстание «подсвечено» советскими мифами. В «Пугачевщине» пушкинская повесть «переписана» по-советски, с учетом требований, которые предъявлял писателям складывающийся в общественном и эстетическом сознании революционной эпохи соцреалистический канон.

⁹ Добренко Е. Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон. – СПб., 2000. С. 34.

¹⁰ Там же. С. 35.

¹¹ Там же. С. 38.